

Э. А. АСРАТЯН

Страницы воспоминаний об И. П. Павлове

На мою долю выпало счастье с 1930 по 1936 г., т. е. до конца жизни Павлова, быть его учеником и постоянным сотрудником, общаться с ним часто и регулярно, испытывать на себе обаяние его значительной личности.

Здесь я хочу поделиться воспоминаниями об Иване Петровиче, которые характеризуют его как учителя, мыслителя, человека и гражданина. Мне хочется набросать также отдельные, известные мне штрихи существовавшего у него критического, бунтарского отношения к новым социальным порядкам в нашей стране и привести несколько интересных эпизодов из завершающего этапа его длительной политической эволюции, процесса его превращения в искреннего патриота социалистической родины, вдохновенного трибуна нашей новой жизни.

Иван Петрович, как истинный демократ и пламенный патриот, всей душой приветствовал самые кардинальные изменения, внесенные Великой Октябрьской революцией в жизнь нашей страны. Ему — выходцу из народных низов и великому труженику — близко и дорого было то, что советской властью была «уничтожена дикая пропасть между богатыми и бедными», что в нашей стране благодаря установлению новых справедливых социальных порядков общественное благо распределяется по трудовому признаку, что горячо любимый и великий русский народ впервые в мировой истории установил подлинное равенство и братство народов в нашей многонациональной стране, что новые хозяева страны уделяют громадное внимание просвещению широких народных масс, подъему общего культурного уровня страны, развитию науки.

Однако маститый физиолог не сразу понял и осмыслил всю глубину и величие происшедших после Октябрьской революции исторических изменений в нашей стране. В течение некоторого

времени многие стороны нашей новой жизни не были поняты им. Будучи человеком науки «с ног до головы», поглощенным своей научной работой, он не всегда умел быстро и правильно ориентироваться во всем том, что происходило в нашей стране. Известную роль в этом играли некоторые отсталые от жизни, а то и враждебные советской власти лица.

Прошли трудные времена. Молодая советская власть, победоносно завершив гражданскую войну, успешно претворяла в жизнь грандиозные планы хозяйственного и культурного развития страны. Иван Петрович следил за этим с напряженным вниманием. Он настороженно и взволнованно прислушивался к биению пульса нашей новой жизни и с каждой очередной победой социализма все больше расставался со своими прежними представлениями о ней.

Последний этап длительной политической эволюции Ивана Петровича, к которому относятся некоторые эпизоды моих воспоминаний о нем, протекал, как мне кажется, особенно бурно. Очень скоро у великого ученого и пламенного патриота разлетелись как дым все его прежние сомнения в успехе социализма в нашей стране, и он со свойственной ему прямоотой всецело стал горячим сторонником и трибуном нашей новой жизни.

Мое знакомство с Иваном Петровичем, мои посещения руководимых им научных учреждений и еженедельных научных собраний по средам (1926—1930), а также первые годы моей постоянной работы у него (1930—1936) совпали с периодом, когда в его лаборатории все еще существовала сложная ситуация для работы ученых-коммунистов. Так, по крайней мере, мне казалось. Некоторые лица, работавшие у Павлова, использовали любую возможность для того, чтобы помешать работе коммунистов, ставших сотрудниками великого ученого. В Физиологическом институте Академии наук СССР, куда я был принят Иваном Петровичем, ситуация в этом отношении была, быть может, сложнее, чем в физиологическом отделе Института экспериментальной медицины, где работало несколько ученых-коммунистов: Л. Н. Федоров, Н. Н. Никитин, Ф. П. Майоров, П. К. Денисов, А. О. Долин и др.

Я начал работать с большим энтузиазмом, весьма интенсивно и как будто не без некоторого успеха. Вскоре, однако, убедился, что, несмотря на положительное отношение Ивана Петровича ко мне и к моей научной работе, мое пребывание и работа в Институте связаны с большими трудностями.

Дело в том, что сам Павлов не принимал почти никакого участия в административной и хозяйственной жизни Института. В

этом отношении подлинными хозяевами Института были некоторые из его научных сотрудников. Эти работники, относившиеся ко мне отрицательно, не только видимыми и невидимыми путями чинили всевозможные препятствия моей научно-исследовательской работе, но всячески пытались дискредитировать и очернить меня в глазах Ивана Петровича.

После некоторого периода работы в таких сложных условиях я, к великой радости моей, увидел надежный выход из создавшегося положения. Меня выручила высокая и благородная черта Ивана Петровича — определять свое отношение к своим сотрудникам по их научным делам, по их конкретной научной работе и результатам, а не по разговорам о ней.

Хотелось бы рассказать о двух характерных в этом отношении эпизодах, связанных с моей работой в Институте.

Как-то весной 1931 г. Иван Петрович довольно сурово сообщил мне, что он желает со мной поговорить по одному важному поводу и поэтому просит меня зайти к нему в Институт экспериментальной медицины (должен заметить, что почему-то Иван Петрович почти все более или менее важные частные разговоры назначал не в Физиологическом институте АН СССР, где я работал, а в своем кабинете в Институте экспериментальной медицины). В назначенный час я явился к нему, всерьез озадаченный неизвестными мотивами неожиданного свидания, на всякий случай имея при себе наготове новые результаты своей текущей работы для сообщения ему, если возникнет на то необходимость.

Встретил он меня вежливо, но довольно прохладно и пригласил присесть. Сам он сидел глубоко в кресле, перекинув одну ногу на другую, с нахмуренным лицом, сосредоточенно смотря на свои руки, соединенные кончиками пальцев и поднятые довольно высоко. С плохо скрытой раздражительностью он спросил меня: верно ли, что я, в нарушение одобренных им общих правил работы Института, ставлю эксперименты по воскресным дням? (Следует отметить, что в то время все учреждения страны, в том числе и руководимый Павловым отдел физиологии в Институте экспериментальной медицины, работали по шестидневной неделе, а наш Институт — по семидневной неделе, соблюдая, кроме того, все церковные праздники.) Если это действительно так, то означает ли это, что я этими своими действиями желаю выразить своеобразный протест против установленных им порядков в Институте? В достаточной ли мере я осведомлен о том, что он не терпит никаких проявлений самовольничания в подчиненных ему учреждениях с чьей бы стороны это ни было?

Если же мои действия обусловлены другими мотивами, то не сделаю ли я одолжение рассказать ему об этих мотивах.

Для меня было ясно, что кто-то из сотрудников Института доложил Ивану Петровичу о фактах нарушения мною принятого распорядка научной работы и настроил его против меня. Не без значительного волнения я ответил ему, что мой учитель должен был знать, что я не скрываю никогда своего критического отношения к существующим в Институте порядкам, что это отношение, равно как и свои убеждения по вопросу науки и политики, я привык выражать не окольными путями и средствами, а всегда прямо и открыто и что в данном случае мои эксперименты по воскресным дням и по дням церковных праздников продиктованы лишь специфическими особенностями текущей разработки моей научной темы и, значит, лишь интересами работы. Я стал далее рассказывать ему о существе дела (я разрабатывал тогда принцип так называемой системности в условнорефлекторной деятельности) и сообщил полученные новые довольно интересные результаты своей работы. Мне приятно было видеть, как во время моего рассказа с лица Ивана Петровича постепенно исчезало хмурое выражение, уступая место ясному и спокойному, как его умные, острые и выразительные глаза наполняются теплотой. Должно быть, он был доволен моим ответом. Он учтиво и совсем другим тоном задал мне несколько вопросов по существу полученных данных и дальше стал говорить со мной весьма дружелюбно, как бы желая сгладить неприятное впечатление от начала нашего разговора. Выразив одобрение по поводу постановки специальной серии опытов во все дни без перерыва и положительно отозвавшись о полученных мной фактических данных, Иван Петрович стал с увлечением рассказывать о своей научной молодости, с каким самозабвением он работал тогда, как долго задерживался в лаборатории, как работал по воскресеньям и праздничным дням, если это диктовалось научной необходимостью. Должно быть, эти воспоминания о давно минувших днях молодости доставляли ему большое удовольствие. Он говорил взволнованно, сильно жестикулируя, с выражением радости на лице и в голосе.

В этой связи должен заметить, что Иван Петрович вообще любил предаваться воспоминаниям о своем детстве, юношестве или о периоде своей научной молодости. Мы все много раз слышали, как он то спокойно, то возбужденно, но всегда живо, просто, красочно и увлекательно рассказывал о своих родителях, о детских забавах, о школьном периоде своей жизни, о семинарских учителях, об увлечениях физиологией и передовыми идея-

ми великих русских просветителей-демократов середины прошлого столетия, о первом учителе по физиологии И. Ф. Ционе, о глубоком влиянии произведений отца русской физиологии И. М. Сеченова, о выдающихся физиологах Р. Гейденгайне и К. Людвиге, у которых он работал в молодые годы, будучи за границей, о знаменитом русском терапевте С. П. Боткине, о различных периодах и эпизодах своей бурной, насыщенной жизни и особенно тепло о том периоде, когда он работал в убогой лаборатории при клинике Боткина.

Другой эпизод относится к зиме 1934/35 г.

В Физиологическом институте Академии наук начиная с 1932/33 г. я вел исследовательскую работу не только по физиологии условнорефлекторной деятельности, но с специального разрешения Ивана Петровича занимался также экспериментальной разработкой некоторых вопросов проблемы пластичности (приспособляемости) нервной системы. Это обстоятельство привело к значительному увеличению общего числа моих подопытных животных и к необходимости усиления помощи технического персонала как по уходу за оперированными животными, так и в постановке специальных опытов на них. Дополнительные хлопоты для технического персонала, увеличенная потребность в животных и некоторые другие обстоятельства, связанные с моей работой над новой и непривычной для Института проблемой, резко ухудшили наши взаимоотношения с научно-административными работниками Института, что весьма болезненно отразилось на темпах и продуктивности самой работы. Лишь благодаря поддержке Ивана Петровича эта работа продвигалась вперед, хотя я вложил в нее очень много времени и энергии.

Как-то зимой 1934/35 г. Иван Петрович явился в Институт в довольно сердитом настроении и, сев на привычном месте (у дверей камеры В. В. Рикмана, в широком коридоре Института), сразу начал раздраженный разговор с окружающими его сотрудниками на какую-то политическую тему.

Ясно было, что какой-то факт сильно взволновал и рассердил его. Я ставил очередной опыт в своей камере, находящейся по соседству с тем местом, где обычно сидел Павлов. Речь его была мне хорошо слышна, и я следил за разговором Ивана Петровича и его окружающих, весьма озадаченный неожиданным оживлением его прежних оппозиционных настроений. Работники из научно-административного аппарата Института решили, очевидно, не упустить такого подходящего, к тому же по тем временам сравнительно редкого, случая озлобления Ивана Петровича по таким мотивам и, эффективно используя момент, добиться его

распоряжения о прекращении моей экспериментальной работы по проблеме приспособляемости нервной системы. Я с негодованием слушал, как они выдумывают всякие нелепости и преподносят все это доверявшему им ученому, возбужденному по какому-то неизвестному мне поводу. Они говорили ему о том, что якобы в связи с моей работой по новой проблеме в жизни Института возникли большие затруднения, сильно тормозящие работу Института в целом. В собачнике, говорили они, не стало хватать пищи для собак других сотрудников, и эти собаки худеют; технические сотрудники уделяют чересчур много времени моим животным и моим опытам, и в силу этого техническое обслуживание работы других сотрудников, работающих только по основной проблеме Института, резко ухудшилось и т. п.

Выслушав все это, Павлов, к моему великому огорчению, без особых колебаний согласился с ними относительно необходимости прекращения моей работы по проблеме пластичности нервной системы, сказав им, что сегодня же он поговорит со мной на эту тему, как только я окончу опыт и подойду к нему. Тут же один из сотрудников, А. А. Линдберг, зашел ко мне в камеру и сообщил о желании Ивана Петровича поговорить со мною. Я был вне себя за эту выдуманную историю и не знал, как предотвратить грозящую мне опасность. Но вдруг, совершенно неожиданно, появился луч надежды. После сравнительно быстрой разрядки от волновавших его переживаний и мыслей ненаучного порядка и после довольно быстрого, но сурового решения вопроса о судьбе моей дальнейшей работы по пластичности нервной системы Иван Петрович несколько успокоился и, сделав небольшую паузу, приступил к обсуждению текущих научных материалов сотрудников Института.

В эти дни Ивана Петровича сильно занимал один факт, выявившийся в работе проф. Н. А. Подкопаева — давнего, знающего и опытного сотрудника. У одной старой собаки исчезли почти все положительные пищевые условные рефлексy на все условные раздражители, и никакими мерами и средствами не удавалось восстановить их более или менее стойко и значительно. И только один пищевой условный рефлекс на вращение кормушки у этой собаки сохранился, не обнаруживая никаких признаков исчезновения или ослабления. Ни Иван Петрович, ни присутствующие тут Подкопаев и другие сотрудники не могли остановиться на каком-либо удовлетворительном объяснении этому факту. Иван Петрович, как всегда в подобных случаях, заметно нервничал.

Над этим вопросом в те дни думал также и я. Мне в голову пришло одно объяснение этого факта, которое показалось очень вероятным. И когда я услышал, что снова идет разговор об этом факте, мне захотелось рассказать о найденном мною объяснении.

После окончания опыта я с тревогой и надеждой вышел из камеры, подошел к Ивану Петровичу со словами: «Мне можно сказать несколько слов?» Он чуть-чуть повернулся ко мне и сказал: «Ах, это вы пришли!? Погодите, о вашем деле поговорим после!»

Почувствовав, что он не понял меня, я вновь обратился к нему: «Иван Петрович, я хочу высказать свое мнение об обсуждаемом вами факте!» Он снова повернулся ко мне и ответил: «Ну-ка, ну-ка, говорите, пожалуйста!» Я кратко изложил свою точку зрения на обсуждаемый вопрос. Крайнюю прочность и резистентность пищевого условного рефлекса на вращение кормушки по сравнению с такого же рода условными рефлексами на другие условные раздражители я объяснил тем, что, во-первых, этот рефлекс подкрепляется столько же раз, сколько все остальные пищевые условные рефлексы, вместе взятые; во-вторых, рефлекс на вращение кормушки в отличие от других пищевых рефлексов всегда является строго совпадающим и никогда не остается на более или менее значительный отрезок времени; в-третьих, вращение кормушки как раздражитель стоит как бы очень близко к натуральному пищевому раздражителю, во всяком случае гораздо ближе всяких звонков, света, касалки и т. п.

Заметив во время моего рассказа по лицу Ивана Петровича, что «погода» постепенно проясняется и он слушает меня с напряженным вниманием, я постепенно стал увереннее в своих суждениях и аргументациях и закончил свои слова описанием проекта специальных экспериментов, которые могли бы окончательно подтвердить правильность моих представлений либо выявить их несостоятельность.

Иван Петрович тут же, без колебаний, я бы сказал даже с энтузиазмом одобрил мою точку зрения на «каверзный факт», а также представленный мною проект специальных опытов. Он даже не дал мне ответить на некоторые возражения, выдвинутые другими его сотрудниками против моего понимания diskutируемого вопроса; ответил на них он сам. Под конец, как бы в заключение 2—3-дневного интенсивного обсуждения злополучного вопроса, он сделал заявление о том, что по праву мне надлежит произвести экспериментальную проверку правильности моих представлений о сущности обсуждаемого факта, а не Н. А. Подкопаеву, выразившему желание поставить такие опыты.

Всем было очевидно, что этим был решен также окончательный исход борьбы за отношение И. П. Павлова к возможности продолжения моей работы по проблеме приспособляемости нервной системы. Незадолго перед своим уходом из Института он повернулся к И. Р. Пророкову, который добился его санкции о прекращении этой работы, и сказал ему несколько коротких, но вразумительных слов. Разговоры о трудности в жизни Института, якобы вызванные моей работой, он назвал «глупостями», ибо всем известно, раздраженно говорил он, что Институт имеет просторный собачник, снабжается продуктами для собак настолько обильно, что свои излишки отправляет в Колтуши, и, кроме того, Институт располагает достаточным числом технических сотрудников для обслуживания всей проводимой в нем работы. В заключение он категорическим тоном поручил этому сотруднику не препятствовать мне в разработке интересной и перспективной проблемы физиологии.

Всемерное поощрение Павловым инициативы и самостоятельности своих сотрудников в научной работе находило свое выражение, в частности, в том, что он не только не препятствовал, но и активно содействовал тому, чтобы его ученики, достигшие определенной зрелости в научном отношении, своевременно становились самостоятельными и руководящими научными работниками в других учреждениях.

Весной 1935 г. дирекцией Института мозга им. В. М. Бехтерева (в Ленинграде) я был приглашен организовать отдел физиологии центральной нервной системы и возглавить его. Мне обещали создать хорошие условия для большой экспериментальной работы. Я был склонен принять это предложение, так как мне показались весьма заманчивыми перспективы значительного расширения рамок самостоятельной научно-исследовательской работы, в особенности работы по проблеме приспособляемости нервной системы, которая хоть значительно и активизировалась в отделе Павлова в Институте экспериментальной медицины, куда эта работа была переведена по его указанию, тем не менее достигала к тому времени такого уровня развития, когда выход на более широкие просторы делается насущной необходимостью для дальнейшей успешной разработки важной научной проблемы. Я решил поговорить об этом с Иваном Петровичем. В назначенный им день и час я явился к нему. Иван Петрович выслушал меня очень внимательно, но отвечать стал не сразу, а после значительной паузы, во время которой он о чем-то сосредоточенно думал, временами энергично протирая очки, надевая их, вновь снимая. Говорить же он стал, к моему изумлению, взвол-

нованным голосом. По-видимому, в этот день он был несколько «лирически» настроен, иначе трудно было понять причины непривычного для него очень теплого и, я бы сказал, даже несколько сентиментального тона течи.

Во время нашей беседы Иван Петрович, волнуясь, говорил о важности и необходимости своевременного перехода ученого на самостоятельную научную работу для дальнейшего развития его творческой инициативы, для закаливания его воли к преодолению препятствий, к достижению поставленной цели, для использования всех своих возможностей. При этом он подробно рассказал о том, когда впервые приобрел возможность самостоятельно работать в лаборатории при клинике С. П. Боткина. С увлечением Иван Петрович говорил о том, что, несмотря на большие трудности и лишения в то время, он все же склонен считать этот период решающим в формировании его особенностей как ученого-исследователя и лично для него, быть может, наиболее интересным и содержательным во всей его жизни.

Я слушал его в самозабвении, очарованный красотой его неувядающей юности. Я никогда раньше не видел его таким.

Закончив рассказ об этой яркой странице своей жизни, Иван Петрович сделал небольшую паузу и, несколько успокоившись, вновь вернулся к прежней теме нашей беседы.

Он говорил, что, несмотря на весьма положительное отношение к моему желанию перейти на самостоятельную и к тому же руководящую научную работу, тем не менее он в данном случае переживает некоторую внутреннюю борьбу, так как ему не хотелось бы по некоторым соображениям увидеть меня работником Института мозга им. В. М. Бехтерева. Но так как он в настоящее время не видит других более подходящих возможностей для моего перехода на самостоятельную и ответственную научную работу, то вынужден дать свое согласие, но с одним непременным условием — продолжать одновременно работать в одном из руководимых им институтов по моему выбору. В заключение он сказал, что благословляет меня на успешную организацию и ведение научной работы на новом месте, и дал несколько ценных советов в духе написанного им годом позже «Письма к молодежи».

Материалистическое мировоззрение Павлова нашло свое четкое выражение в его научных произведениях. В этом отношении воспоминания его учеников могут послужить лишь дополнительным источником материалов. В моих личных воспоминаниях также имеются эпизоды, которые представляют определенный интерес в этом отношении.

В узком кругу сотрудников и на «средах» не один раз я слышал пламенное слово Павлова в защиту позиций материализма в самых сложных вопросах естествознания, его полные негодования ядовитые высказывания об идеалистическом мировоззрении или об отдельных сторонниках этого мировоззрения. При этом высказывания великого ученого были, как правило, ярче, страстнее и острее, чем в его печатных трудах и официальных докладах.

Помнится, как однажды после уничтожающей критики пропитанной идеализмом брошюры Шеррингтона «Мозг и его механизм» Павлов высказал мнение, что, должно быть, автор брошюры на старость лет свихнулся, потерял нормальный рассудок, так как иначе трудно себе представить, каким образом такой крупный ученый в области физиологии центральной нервной системы докатился до идеалистического вздора чистейшей марки, утверждая, будто психическая деятельность не связана с материальной структурой мозга, не является продуктом деятельности последнего?

Менее гневно, но не менее ядовито он говорил о профессиональных «философах-идеалистах, в частности о Гегеле». Однажды в 1935 г. в разговоре на какую-то философскую тему Павлов высказал мнение, что, по всей видимости, Гегель был в психическом отношении не совсем полноценным человеком. Труднее себе представить, говорил он, чтобы человек с нормальным рассудком мог утверждать, что идея, дух является первичным, изначальным, а материя — вторичным, производным. Более того, Павлов заявил о готовности аргументировать правильность своих предположений и попросил для этой цели достать ему подробное жизнеописание Гегеля. Чтобы удовлетворить его желание, я принес ему из дома свой экземпляр книги Куно Фишера о Гегеле. Через несколько дней он сказал, что это не та книга, которая ему нужна. «В ней описана, — говорил он, — не жизнь Гегеля со всеми характерными особенностями его личности, а возникновение, развитие и сущность его сумасбродных мыслей и идей».

Совершенно противоположного характера были высказывания в адрес материалистов-естествоиспытателей или материалистов — «философов по профессии», как он любил выражаться. В частности, глубоко запечатлелось в моей памяти одно довольно обстоятельное высказывание Павлова о Владимире Ильиче Ленине. Хотя только часть этого исключительно интересного высказывания Ивана Петровича имеет прямое отношение к теме о его мировоззрении, тем не менее я считаю нужным привести

его здесь почти полностью, придерживаясь в пределах возможности также и стиля Павлова.

Как-то еще в 1932 г. Иван Петрович, будучи в довольно хорошем настроении, рассказал в узком кругу сотрудников, собравшихся вокруг него, о том, как он в 1920—1923 гг. посвящал свои вступительные лекции по курсу физиологии в Военно-медицинской академии вопросам текущей политики в стране, как в те годы он выступал даже с публичными докладами на эту же тему. При этом рассказе он несколько раз с большим уважением и теплотой, но не без полемического задора назвал имя Владимира Ильича. Воспользовавшись хорошим расположением духа Ивана Петровича, я задал вопрос относительно его мнения об Ильиче. Он охотно удовлетворил мою просьбу и высказался примерно следующим образом.

Ленин был великим ученым, умным политическим деятелем и честнейшим человеком. Верным мерилум ума и величия человека он, Павлов, считает способность правильно разбираться в сложных и запутанных ситуациях и соответственно этому правильно реагировать, действовать. Подходя к Владимиру Ильичу с этим мерилум, он, Павлов, считает, что большой ум и величие Ленина нашли свое яркое выражение в двух важнейших исторических событиях. Во-первых, он правильно ориентировался в сложной, трудной и запутанной ситуации, существовавшей в нашей стране после февральского переворота. И вопреки яростному сопротивлению многих своих соратников организовал, возглавил и успешно завершил большевистскую Октябрьскую революцию. Во-вторых, Ленин правильно ориентировался в исключительно тяжелом и сложном положении в экономической жизни страны, обусловленном разрушительной мировой войной, иностранной интервенцией и гражданской войной, правильно оценил соотношение общественных сил и опять-таки вопреки яростному сопротивлению многих соратников произвел крутую коренную ломку в экономической политике, настойчиво и последовательно продолжал это дело до конца и спас тем самым страну от нависшей грозной катастрофы.

Кроме того, он, Павлов, внимательно прочитал книгу Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» и признал, что автор книги проявляет глубокое знание кардинальных и весьма сложных и трудных вопросов философии и естествознания, понимает их очень глубоко и верно, по отношению к ним придерживается правильных материалистических позиций.

«Наконец, — продолжал Павлов, после некоторой паузы, — величие и честность Ленина в следующем. В первые годы рево-

люции многие из почтенных профессоров лицемерно клялись в преданности и верности новому большевистскому режиму и социализму. Мне было тошно это видеть и слышать, так как я не верил в их искренность. Я же тогда написал Ленину: “Я не социалист и не коммунист, и я не верю в Ваш опасный социальный эксперимент”. И что же вы думаете? Ленин правильно оценил мою прямоту и искренность, мою тревогу за судьбы отчизны и не только не сделал ничего худого мне, но, напротив того, отдал распоряжение своим подчиненным резко улучшить условия моей жизни и работы, что и было незамедлительно сделано в те тяжелые для всей страны дни.

Да, я должен сказать, господа, — заключил он цепь своих суждений, — что Ленин был поистине человеком большого ума и большой честности. Пульс жизни он ощущал правильно, что редко кому удается». Замечу, что об этом последнем факте я слышал из уст Павлова еще несколько раз.

<1956>

